

ЛИТТЛ Р.

**БАЛАНС СИЛ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:
МЕТАФОРЫ, МИФЫ И МОДЕЛИ
(Реферат)***

Little R.

The balance of power in international relations: Metaphors, myths and models. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – 317 p. – Reprinted 2009.

Монография профессора Бристольского университета, одного из ведущих современных представителей «английской школы» в теории международных отношений Ричарда Литтла, посвящена анализу концепции «баланса сил» (*balance of power*). Хотя ссылки на баланс сил сегодня употребляются в самых разнообразных социальных контекстах, это понятие никогда не рассматривалось общественными науками как особенно важное или проблематичное. Однако в международных отношениях баланс сил уже на протяжении нескольких столетий считается центральной, хотя и весьма спорной концепцией. По мнению Литтла, баланс сил необходимо рассматривать в трех измерениях – как метафору, миф и теоретическую модель.

Мышление и язык пронизаны метафоричностью. Метафора определяется как «понимание одной концептуальной области в

* Автор реферата является победителем конкурса рефератов 2010 г., проводимых ИНИОН РАН и журналом «Политическая наука».

терминах другой концептуальной области» [р. 22]. Метафоры способны трансформировать значение устоявшегося понятия и играют важную роль в постижении аспектов мира, которые новы или не вполне понятны для нас. Не случайно концепция баланса сил появилась во времена Возрождения, когда Средневековье с его иерархическим пониманием власти медленно уступало место современности, характеризующейся плюрализмом суверенных государств¹.

Часто присущая метафорам полисемичность в полной мере характерна и для баланса сил. Существует по меньшей мере девять интерпретаций концепции баланса сил применительно к международной политике: равное соотношение сил, любое фактическое распределение сил, принцип равного приращения мощи великих держав и т.д. [р. 27]. Литтл полагает, что полисемичность баланса сил является скорее достоинством, чем недостатком. Международная система по своей природе неоднозначна, и поэтому мы нуждаемся в метафорах, чтобы уловить эту неоднозначность. Баланс сил в международных отношениях относится к особому роду «трансформативных метафор», которые используются для понимания сложных, абстрактных или неструктурированных областей с помощью понятий, заимствованных из более знакомых и конкретных областей. При этом заимствованный образ (источник метафоры) меняет значение объекта метафоры.

Понятие баланса сил появилось в XVI в., и его почти сразу же стали ассоциировать с образом весов. Использование чаш весов в качестве метафорического источника в метафоре «баланс сил» трансформирует значение понятий «сила» и «власть». По сути, эта метафора «уводит нас от понимания власти как принадлежащей определенным субъектам и делает акцент на структурной концепции власти», т.е. на том, «как власть, располагаемая всеми участниками системы, определяет структуру социального контекста» [р. 47]. Метафора с весами не только указывает на то, что мы можем измерить власть, но и подчеркивает, что эта мера приобретает значение только в контексте власти, принадлежащей другим уча-

¹ Понятие баланса сил было введено в политический и теоретический дискурс итальянцем Франческо Гвиччардини (1483–1540), который написал историю Италии, где анализируются отношения итальянских городов-государств с 1490 по 1534 г. – *Прим. ред.*

стникам системы. Метафора баланса сил противостоит пониманию власти как иерархической и монополизированной. Она также обозначает, что власть скорее текуча, чем фиксирована. Результаты всегда непредсказуемы, поскольку акторы могут в любой момент переместить свой «вес», тем самым сдвинув соотношение сил во всей системе.

Вместо концентрации на том, как одна сторона может контролировать поведение другой, метафора баланса сил обращает наше внимание на структурный аспект, выраженный в соотношении сил во всей системе. Метафора весов побуждает нас представлять международные отношения в виде системы, разделенной на две части, находящиеся в противостоянии и стремящиеся «перевесить» друг друга. Литтл именует это «конфронтационным балансом сил» (*adversarial balance of power*).

Однако существует альтернативное толкование баланса сил, в более кооперативном духе, которое связано с другим набором метафор. Автор называет его «связующим балансом сил» (*associational balance of power*). Эта традиция восходит еще к античности. Полибий, например, выступал за конституционную структуру, в которой власть монарха, аристократии и народа была бы соразмерна, приводя к устойчивому политическому равновесию [р. 66]. Эта метафора воплощает образ политической системы, построенной таким образом, что удовлетворяются интересы всех ее участников.

Со времени Возрождения предпринимались попытки приложить концепцию связующего баланса сил как к внутренней, так и к международной политике. Применительно к международным отношениям главная идея заключалась в том, что ни одно европейское государство не должно усиливаться до такой степени, чтобы угрожать независимости других. Поэтому необходимо обеспечить такое распределение сил, которое бы исключало опасность гегемонии. При этом использовался ряд метафорических образов. Так, Европа представлялась в виде арки, в которой все камни опираются друг на друга и поддерживают целостность конструкции. Распространена была и метафора единого европейского тела, в котором все органы и части неразрывно связаны. Начиная с Утрехтского договора 1713 г., изменения европейских границ легитимизировались в терминах поддержания «справедливого равновесия». В основе баланса сил, господствовавшего в Европе в

XVIII и XIX вв., лежала идея справедливого равновесия как результата консенсуса между великими державами. Однако к началу XX в. связующий баланс сил стал вытесняться конфронтационным, когда Европа оказалась разделенной на два враждебных и противостоящих друг другу альянса.

Литтл выделяет два подхода к пониманию взаимосвязей между метафорами, мифами и моделями: позитивистский и постпозитивистский. Позитивисты признают, что метафоры могут играть полезную роль в процессе научного познания реальности, помогая создавать теоретические модели. С этой точки зрения каждая метафора является «видимой верхушкой сокрытой модели». Задача теоретика – эксплицировать эту модель и подвергнуть ее проверке.

Для постпозитивистов метафоры представляют собой не просто путь к конструированию новых моделей, но являются неотъемлемым элементом реального мира. Кроме того, в отличие от позитивистов, отвергающих мифы как фундаментальную ошибку массового сознания и искажение реальности, постпозитивистский подход придает мифам и мифотворчеству очень важное значение. По мнению Литтла, баланс сил может быть представлен в виде политического мифа, базирующегося на соответствующих метафорах. Мифы играют ключевую роль в создании и сохранении политического порядка, придавая ему смысл. Политические мифы наглядным образом связывают воедино прошлое, настоящее и будущее, обладая ценнейшим ресурсом для политиков, стремящихся обосновать новый курс либо поддержать статус-кво.

Метафоры выступают как важный инструмент мифотворчества, поскольку помогают сделать сложные ситуации более доступными для понимания и восприятия. Так, основанная на образе весов метафора баланса сил позволяет нам думать, что сила государств может быть измерена и что она меняется со временем. В результате мы получаем нарратив, связывающий прошлое, настоящее и будущее. Мы можем оглянуться на прошлое и увидеть, как с течением времени изменилась структура соотношения сил. Мы можем оценить соотношение сил сегодня и прогнозировать его будущее состояние.

Метафоры баланса сил также формируют основу для убедительных мифов о том, как государства могут сохранить свою независимость. Именно тут метафора «баланс сил» приобретает свой-

ства политического мифа: она не только предлагает объяснение того, что случилось в прошлом, но и выдвигает доводы, как государства должны вести себя в будущем.

Последователи мифа о балансе сил в его конфронтационной версии утверждают существование «естественного закона»: усиление одного государства вызовет ответную реакцию со стороны других акторов международной системы, которые, опасаясь угрозы гегемонии, восстановят равновесие чаш весов и тем самым гарантируют свое выживание. Сторонники связующего баланса сил тоже верят в достижимость политического равновесия, удовлетворяющего интересам безопасности государств. Но видят в нем не результат противостояния, а скорее продукт коллективного консенсуса.

Миф о балансе сил давно подвергается критике. Так, Кант говорил о химеричности надежд, возлагаемых на баланс сил, уподобляя его дому, построенному в таком полном согласии с законами равновесия, что строение немедленно рухнуло, когда на него сел воробей [р. 73]. Идеологические критики баланса сил продвигают другие контрмифы, например «теорию демократического мира», содержащие свой собственный набор образов прошлого, настоящего и будущего.

Далее Ричард Литтл анализирует, как баланс сил представлен в работах четырех крупнейших теоретиков международных отношений – Х. Моргентау, Х. Булла, К. Уолца и Дж. Миршаймера. Каждый из них прямо или косвенно обращается к метафорическим и мифологическим традициям, связанным с этой концепцией. Уолц и Миршаймер делают акцент на конфронтационном балансе сил, вытекающем из метафоры весов. Моргентау и Булл отдадут предпочтение связующему балансу сил, опирающемуся на образы арки / тела.

Баланс сил выступает как одна из центральных концепций теории политического реализма Ханса Моргентау. В его главном труде «Международная политика» (первое издание – 1948 г.) баланс сил именуется «неизбежным следствием силовой политики» [р. 91]. По мнению Литтла, внимательное прочтение текста позволяет увидеть, что теоретическая модель баланса сил Моргентау включает в себе два различных динамических процесса. Первый из них выражает баланс сил в качестве непреднамеренного резуль-

тата соперничества великих держав за достижение гегемонии. Второй род динамики ассоциируется со сложным комплексом социальных, «идеальных» (*ideational*) и материальных факторов, которые смягчают эффекты силового противостояния и способствуют поддержанию между великими державами политического равновесия, обеспечивающего их коллективную безопасность и общие интересы. Эти два вида динамики в определенной степени соответствуют конфронтационному и связующему типам баланса сил.

Моргентау прослеживает эволюцию баланса сил в европейской, а затем и в мировой политике со времени зарождения современной системы государств в XVI в. до второй половины XX в. «Золотой век» баланса сил пришелся на эпоху после окончания Тридцатилетней войны (1648) и сохранялся в течение XVIII и XIX вв., когда ключевым европейским акторам удавалось поддерживать стабильность. Однако эта система претерпела две значительные трансформации. Первая была ознаменована Великой французской революцией, когда система династических аристократических монархий, имевших общие ценности, начала уступать место национальным государствам. Вторая трансформация случилась после Первой мировой войны, когда на арену вышли государства (нацистская Германия, СССР и США), пытавшиеся навязать свою идеологию и ценности остальному миру. В результате такого, по выражению Моргентау, «националистического универсализма» внешняя политика превратилась в череду «крестовых походов». Следствием этого стало крушение стабильного баланса сил, который сменился весьма неустойчивым и опасным конфронтационным балансом.

Один из родоначальников «английской школы» в теории международных отношений Хедли Булл относит баланс сил, наряду с международным правом, войной, дипломатией и великими державами, к числу пяти ключевых институтов, формирующих и поддерживающих международное общество. Более того, баланс сил лежит в основе остальных четырех институтов. В своей главной книге «Анархическое общество» (1977) Булл проводит различие между двумя типами порядка в международных отношениях: международной системой и международным обществом. Международная система представляет собой совокупность взаимодействующих государств. Международное же общество, кроме взаимосвязанно-

сти, характеризуется еще и наличием общих ценностей, интересов и правил поведения.

Этим двум разновидностям порядка присущи и различные типы баланса сил. В международной системе, где отсутствуют общие интересы и институты, возможен только «случайный» и неустойчивый баланс сил. Подобная ситуация сложилась, в частности, в эпоху «холодной войны», когда две супердержавы схватились в ожесточенной борьбе за господство. В то же время международное общество характеризуется сознательно сконструированным (*contrived*) балансом сил. Именно такой баланс сил, принимающий форму важнейшего института, в течение долгого времени поддерживал стабильность в отношениях великих держав в рамках европейского международного общества.

Как полагает Литтл, в «Анархическом обществе» содержится значительный мифопоэтический компонент, поскольку его автор, обращаясь к прошлому и настоящему, рисует желаемый облик будущего. Булл выступает в защиту международного общества, оказавшегося под угрозой вследствие идеологического противостояния Востока и Запада и воцарения конфронтационного баланса сил.

Концепция баланса сил лежит в основе «структурного реализма» Кеннета Уолца. Главный труд Уолтца, книга «Теория международной политики» (1979), может быть сведена, с точки зрения Литтла, к трем основным тезисам: во-первых, баланс сил является наиболее подходящей теорией для объяснения анархической международной системы; во-вторых, характер международной политики существенно отличается в биполярных и многополярных системах в силу того, что баланс сил действует в них по-разному; в-третьих, биполярная международная система более устойчива и в большей степени поддается конструктивному регулированию по сравнению с многополярным балансом сил. Несмотря на то что Уолтц проповедует строгий и деидеологизированный структурный подход, Литтл усматривает в его тексте мифопоэтический подтекст. Баланс сил для Уолтца – это не просто структурная характеристика анархической системы: он наделяет его такой же моральной ценностью, что и европейцы в XVIII и XIX вв., рассматривая баланс сил как гарантию против монополизации власти.

Логика баланса сил играет чрезвычайно важную роль в теории «агрессивного реализма» Джона Миршаймера, автора книги «Трагедия политики великих держав» (2001). В отличие от трех предыдущих теоретиков, которые делали акцент на общем (мировом) балансе сил, он аргументирует первостепенное значение региональных балансов, которые в совокупности и формируют глобальную международную систему. Тем самым Миршаймер отказывается от традиционного европоцентричного подхода и привносит географическое измерение в анализ баланса сил.

Если Моргентау, Булл и Уолтц полагают, что великие державы могут выйти за рамки игры с нулевой суммой и наладить сотрудничество, то Миршаймер придерживается крайне пессимистических взглядов. С его точки зрения, анархическая структура международной системы неизменно толкает государства к острому соперничеству. Миршаймер признает только конфронтационную разновидность баланса сил, которая исключает всякую возможность появления в будущем мирного и стабильного порядка. Именно эта «вечная трагедия» международной политики является мифопоэтическим лейтмотивом текста Миршаймера.

Опираясь на проведенный сравнительный анализ текстов четырех теоретиков баланса сил, автор предлагает свой «комплексный подход» к этой концепции. Он включает в себя не только рассмотрение баланса сил в традиционных терминах полярности, но и с точки зрения географии (учет региональных балансов), а также с позиций проводимых «английской школой» различий между международной системой и международным обществом. Литтл приходит к оптимистичному в целом выводу, что в современном мире конфронтационный баланс сил начинает ослабевать, в то время как повышается значимость связующего баланса, основанного на идее международного общества и консенсусе великих держав.

Лукин А.Л.